

КОНФУЦИАНСТВО И БУДДИЗМ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ВВОДНОЙ ГЛАВЫ “ПОВЕСТИ О ДОМЕ ТАЙРА”

В. Онищенко

“Повесть о доме Тайра” долгое время привлекает внимание исследователей различных сфер японской культуры – историков, литературоведов, лингвистов и историков философско-религиозной мысли. Сложившаяся в основном к середине XIII века “Повесть” отразила в себе быт, образ мыслей, системы ценностей аристократов, самураев и монашества, т.е. образованного класса своей эпохи; кроме того, она является наиболее широко функционировавшим текстом, когда-либо созданным в Японии. Начиная со времени написания «Повесть» исполняли сказители бива-хоси (эта традиция сохранилась и поныне), позже, в XIV – XVI вв. по отдельным сюжетам «Повести» создавались пьесы для театра Но, а ещё позже – для театров Бунраку и Кабуки. На темы отдельных эпизодов “Повести о доме Тайра” создано немало произведений и в XX веке. Таким образом, “Повесть”, являясь продуктом культуры XII-XIII веков, в свою очередь стала значимой составляющей культурного контекста последующих столетий, чем и объясняется неугасающий интерес к ней исследователей.

Вводная глава “Повести о доме Тайра” – “Храм Гион” – присутствует во всех списках и вариантах “Повести”, являясь своеобразным эпиграфом, вводящим описываемые события в определённые мировоззренческие рамки. Долгое время было принято считать, что “Повесть” написана целиком с буддийских позиций и несмотря на то, что она изучалась на протяжении всего XX века, существование конфуцианской составляющей как в “Повести” в целом, так и в главе “Храм Гион” замечено сравнительно недавно, в 80-е годы. С тех пор неоднократно говорилось о наличии в тексте вводной главы “Повести” конфуцианских идей, – в нём, в частности, усматривают конфуцианскую критику “неправедных” правителей и идею воздаяния за плохое правление¹. Однако открытым остаётся вопрос о том, каким образом в столь коротком тексте сосуществуют два различных дискурса – буддийский и конфуцианский, не вызывая у читающего чувства внутренней логической противоречивости. Данное исследование является первой попыткой выяснить структуру и внутреннее функционирование текста, содержащего идеи различных религиозно-философских систем. С этой целью будет проведен краткий анализ первых фраз главы “Храм Гион”, в котором мы рассмотрим структурные, лексические и смысловые особенности этих фраз и постараемся определить факторы, обеспечивающие цельность восприятия данного текста.

1. 祇園精舎の鐘の聲、諸行無常の響あり。

Звон колоколов храма Гион возвещает о бренности всего сущего.

Храм Гион – японское название индийского монастыря Джетавана-вихара; в данном случае речь идёт о Павильоне Непостоянства – больнице для монахов при монастыре; по преданию, колокола по углам кровли Павильона в час кончины кого-либо из его обитателей начинали звонить сами собой, выговаривая буддийский стих-гатху: “Всё в мире непостоянно, всё цветущее неизбежно увянет...” [Повесть, 615; Хэйкэ-моногатари 35]. Данная фраза целиком взята из буддийского дискурса и содержит указание на смерть как на проявление бренности сущего. Понятие “смерть”, выраженное через буддийскую метафору “звон колоколов хра-

ма Гион (раздающийся в момент кончины монахов)”, здесь приобретает значение “смерть – проявление непостоянства”.

Опишем структуру фразы следующим образом:

Смерть монахов храма Гион (буддийский дискурс) → непостоянство сущего (буддийский дискурс)

2. 娑羅双樹の花の色、盛者必衰の理をあらはす。

Цвет цветов дерева сала показывает, что всё цветущее неизбежно увянет.

Данное высказывание содержит отсылку на Махапаринирвана-сутру, на эпизод подготовки Будды к нирване, когда цветы деревьев-близнецов сала, под которыми лёг и упокоился Шакьямуни, осыпались. Мы снова видим указание на смерть как проявление бренности сущего и отсылки на буддийский дискурс, подобные тем, которые мы видели в предыдущей фразе – упоминание *деревьев-близнецов сала* (娑羅双樹, *sara so:dzju:*) и выражение из “Сутры о человеколюбивом царе” (仁王経, *Нинно:кё:*) – “всё цветущее неизбежно увянет” (盛者必衰, *дзё:ся хис-суй*). Таким образом, первые две фразы текста образуют единый смысловой блок, характеризующийся общностью структуры фраз и насыщенностью буддийской лексикой.

Структура фразы:

Смерть/нирвана Будды (буддийский дискурс) → непостоянство сущего (буддийский дискурс)

3. おごれる人も久しからず、唯春の夜の夢のごとし。

И гордые люди недолговечны, подобно сну в весеннюю ночь.

4. たけき者も遂にはほろびぬ、偏に風の前の塵に同じ。

И жестокие люди в конце концов погибли, совсем как пыль пред ветром.

Снова смерть выступает как проявление бренности, – и сон в весеннюю ночь, и пыль пред ветром – метафоры непостоянства, краткости. Но если в первых двух фразах это была смерть монахов и нирвана Будды, то на этот раз речь идёт о “гордых” и “жестоких”. Главное отличие данных фраз от двух предыдущих – это отсутствие прямых отсылок на буддийский дискурс, и появление нового элемента – характеристики тех, кто умирает, выраженной в одном случае глаголом “быть высокомерным, заносчивым; жить в роскоши” (おごる, *огору*), в другом – прилагательным «сильный, жестокий, смелый» (たけし, *такэси*). Кроме того, и указания на смерть/недолговечность – “недолговечный” (прил. “долгий, вечный” 久し, *хисаси* в отрицательной форме – 久しからず, *хисасикарадзу*), “погибли” (ほろびぬ, *хоробину*), и метафоры недолговечности выражены посредством японской лексики без использования буддийских китаизмов. Таким образом, фразы содержат элементы предшествующих фраз – указания на недолговечность и гибель – и вместе с тем готовят аудиторию к появлению дискурса, отличного от буддийского.

Структура фраз:

«гордые» (?) → непостоянство (?)

«жестокие» (?) → смерть/непостоянство (?)

5. 遠く異朝をとぶらへば、秦の趙高、漢の王莽、梁の周伊、唐の禄山、是等は皆旧主先皇の政にもしたはず、楽しみをきはめ、諫を思ひいれず、天下の乱れむ事をさとりずして、民間の愁ふる所を知らざツしかば、久しからずして、亡じにし者ども也。

Если обратиться к примерам из других стран, то и Чжао Гао из Цинь, и Ван Ман из Хань, и Чжоу И из Лян, и Лушань из Тан, все они пренебрегали праведным путём прежних государей, преумножали наслаждения, не слушали увещаний, не замечали разлад в Поднебесной, не хотели знать о страданиях народа, и в скором времени сгинули.

Здесь автор поясняет, кого он имел в виду, когда упомянул “гордых” и “жестоких”.

Чжао Гао был евнухом первого циньского императора Ши-хуана (246 – 210 гг. до н. э.) и вынудил совершить самоубийство второго циньского императора – Эрши-хуана, за что сам поплатился жизнью. Ван Ман (45 г. до н. э. – 23 г. н. э.) – фаворит императрицы-регентши, который убил малолетнего императора и сам занял престол, но был убит в 23-м г. Чжоу И (502 – 556) – сановник при императоре У-ди династии Лян, фаворит императора, впоследствии обвинённый в измене. Ань Лушань, военный губернатор Шаньдуна, в 755 г. поднял мятеж против танского императора Сюаньцзуна, но вскоре (в 757 г.) был убит своим сыном².

Таким образом, в качестве иллюстрации недолговечности “гордых” и “жестоких” людей упомянуты личности, ставшие хрестоматийными примерами мятежников, вассалы, выступавшие против императорской власти. В структуре данной фразы появляется новый элемент – перечисление “неправедных”, с точки зрения конфуцианских представлений о справедливом правлении, деяний мятежников. В контексте фразы эти деяния мотивируют скорую смерть мятежников, которые не только выступили против легитимной власти, но и оказались несостоятельными правителями. Здесь к понятию “смерть”, которому во фразах 1 и 2 было придано значение “непостоянство, бренность сущего”, надстраивается дополнительное конфуцианское значение – “воздаяние за мятеж и неправедное правление”.

Эта фраза лексически связана с двумя предыдущими – здесь мы снова видим прилагательное “долгий, вечный” (久し, *хисаси*) в отрицательной форме, уже использовавшееся во фразе 3; здесь оно выступает в функции наречия со значением “вскорости”, “в недолгом времени” (久しからずして, *хисасикарадзу ситэ*), и глагол “умирать” (亡ず, *бо:дзу*), синоним глагола “гибнуть” (ほろぶ, *хоробу*) из фразы 4.

Структура фразы:

мятежники (конфуцианский дискурс) → их несоответствие идеалу правителя (конфуцианский дискурс) → непостоянство/смерть

6. 近く本朝をうかがふに、承平の将門、天慶の純友、康和の義親、平治の信頼、此等はおごれる心もたけき事も、皆とりどりにこそありしかども、

Если обратиться к примерам из нашей страны, то и Масакадо в годы Сё-хэй, и Сумитомо в годы Тэнгё, и Ёситика в годы Кова, и Нобуёри в годы Хэйдзи, каждый на свой лад гордыней отличался и жестокостью, и всё же...

Автор продолжает перечисление мятежников, приближаясь во времени и пространстве к событиям “Повести о доме Тайра”.

Масакадо из рода Тайра в 938 г. поднял восстание на северо-востоке Хонсю, объявил себя императором и был убит карательными отрядами в 940 г. (“Смута годов Дзёхэй-Тэнгё”). Сумитомо из рода Фудзивара, одновременно с восстанием Масакадо выступил на юго-западе Японии против центральной власти и убит в 941 г. Ёситика из рода Минамото, правитель Цукуси, был обвинен в жестокости и других злодеяниях и убит карательными отрядами в 1117 г. Нобуёри Фудзивара (1133-1159) – один из главных участников неудавшегося дворцового переворота, казненный в 1159 г. (“Смута годов Хэйдзи”).

Данная фраза вместе с предыдущей составляет ещё один смысловой блок. Здесь уже нет прямых упоминаний прямо о смерти тех, кто противился императорской власти; во-первых, речь идёт о событиях сравнительно недавней истории Японии, заведомо известных японскому читателю того времени. Во-вторых, структурная однотипность этой и предыдущей фраз делает излишним ещё одно упоминание о смерти; смерть и непостоянство и без того присутствуют во всех предшествующих фразах. В-третьих, упоминание “гордости” и “жестокости” перечисленных возвращает нас к фразам 3 и 4, из которых следует, что “гордых” и “жестоких” ждёт скорая смерть.

Структура фразы:

мятежники (?) → «гордые» и «жестокие» (?) (→ непостоянство/смерть)

7. まちかくは六波羅の入道前太政大臣平朝臣清盛公と申しし人の有様、伝へ承るこそ、心も詞も及ばれね。

...в недавнюю пору Вступивший на путь бывший Великий министр князь Киёмори Тайра из усадьбы Рокухара – о его деяниях молва идёт такая, что поистине не описать словами и даже представить себе трудно.

Данная фраза подводит итог мировоззренческой части главы “Храм Гион”. Грамматически эта фраза представляет собой вторую часть сложносочинённого предложения, началом которого является фраза 6. Она продолжает смысловую линию фраз 5 и 6, представляя Киёмори – главу рода Тайра – как одного из “гордых” и “жестоких” мятежников, которых ждала скорая смерть, и вместе с тем отличается от двух предыдущих фраз по нескольким параметрам: 1) в данной фразе отсутствуют прямые упоминания о “гордости” и “жестокости” Киёмори либо его смерти, вместо этого идея о воздаянии за несправедливое правление и мятеж, непременно постигающего «гордых» и “жестоких”, аккумулирована в выражении “о его деяниях молва идёт такая, что поистине не описать словами и даже представить себе трудно”; 2) в двух предыдущих фразах китайские и японские исторические деятели перечислены группами по четыре, тогда как действующим лицом в данной фразе является один Киёмори – как воплощение всего, что говорилось о мятежниках ранее; 3) во фразах 5 и 6 вводные слова определяют место описываемого (Китай, Япония), в данной фразе – время (“в недавнюю пору”). Таким образом, первые 6 фраз в структурном, смысловом и лексическом плане составляют пары 1–2 (*Звон колоколов храма Гион... – Цвет цветов дерева сала...*), 3–4 (*И гордые недолговечны... – И жестокие, в конце концов, погибли...*), 5–6 (*Если обратиться к примерам из других стран... – Если обратиться к примерам из нашей страны...*), а фраза 7 завершает данный смысловый блок, концентрируя в себе смысл всех предыдущих фраз и вводит главного героя, деяниям которого посвящен дальнейший текст “Повести”.

Структура фразы:

Тайра-но Киёмори → “не описать словами” (?) (мятежник, “горд” и “жесток”, не соответствовал конфуцианскому идеалу правителя → непостоянство/смерть)

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В данном тексте функционирование двух дискурсов проявляется в различии интерпретаций понятия “смерть”. В первых двух фразах это понятие выражено посредством буддийских метафор и обретает значение “смерть как проявление непостоянства сущего”. Во фразах 3 и 4 оно присутствует в виде указаний на него нейтральными словами «недолговечный» и «гибнуть», а в следующей, 5-й фразе «смерть/недолговечность» интерпретированы в духе конфуцианской этики как возмездие за несоблюдение принципов справедливого правления. Здесь может быть усмотрено логическое противоречие, поскольку значения понятия “смерть” в высказываниях “Смерть монахов в Павильоне Непостоянства показывает непостоянство сущего” (фраза 1) и “Мятежников и недостойных правителей ждёт скорая смерть” (фраза 5) не равны, и в первом из них “смерть” является проявлением всеобщего принципа непостоянства, равно относящегося ко всем живущим вне зависимости от их моральных или политических качеств, тогда как вторая выделяет мятежников и недостойных правителей в особую группу тех, кого ждёт скорая смерть. Однако данное противоречие замаскировано наличием ряда следующих факторов, придающих тексту видимость последовательного, связного и непротиворечивого:

1. Все фразы прямо или косвенно содержат понятие “смерть” – упоминание эпизодов кончины монахов и нирваны Будды (фразы 1 и 2), недолговечности “гордых” и гибели “жестоких” (фразы 3 и 4), скорую гибель китайских мятежни-

ков (фраза 5), указание на “гордыню” и “жестокость” предводителей мятежей в Японии (фраза 6), отсылающее к скорой гибели “гордых” и “жестоких” во фразах 3 и 4, и описание Тайра-но Киёмори как превзошедшего в гордыне и жестокости всех вышеперечисленных исторических лиц.

2. Неизменно соблюдается принцип пространственной и временной последовательности изложения – начиная с отсылок на события в Индии V в. до н. э. (фразы 1 и 2), через упоминание исторических деятелей Китая III в до н. э. (Чжао Гао), I в н. э. (Ван Ман), VI в (Чжоу И), VIII в (Ань Лушань) во фразе 5 – к мятежам в Японии X-XII вв. и времени действия “Повести о доме Тайра” – второй половине XII века.

3. Фразы из разных пар связаны между собой лексически – через использование слов “гордый”, “жестокий” во фразах 3, 4 и 6, прилагательного “недолговечный” во фразах 3 и 5, синонимичных глаголов “гибнуть” во фразах 4 и 5.

Данный анализ следует считать первой попыткой исследования совместно-го функционирования различных дискурсов в японском средневековом художественном тексте. Японский материал представляет особенный интерес благодаря сложности структуры религиозно-философских представлений, обусловленной наличием в рамках одного текста буддийского, конфуцианского и синтоистского дискурсов; дальнейшее изучение функционирования идей и понятий как в “Повести о доме Тайра”, так и в других памятниках средневековой литературы должно помочь яснее представить не только общую картину мировоззренческих представлений той эпохи, но и способ мышления, принципы выбора дискурса для той или иной интерпретации событий, характеризующий жителей средневековой Японии.

---

¹ См. [Ямасита 143-145] и [Исигэ 291-294]

² Здесь и далее описания исторических личностей, упоминаемых в главе «Храм Гион», приводятся по комментариям И. Львовой [Повесть 615-617] и Т. Итико [Хэйкэ-моногатари 35-36].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ямасита Х. Гион сёдзя (“Храм Гион”) // Кокубунгаку кайсяку то кансё (Японская литература: комментарии и оценки). – Токио, 1968, №5, сс. 140–148.

2. Хэйкэ-моногатари (Повесть о доме Тайра). Коммент. Итико Т. В 2-х томах. – Токио, изд. “Сёгаккан”, 1973-1975.

3. Повесть о доме Тайра. Пер. Со старояп., предисл. И коммент. И Львовой – М., 1982

4. Исигэ К. Хэйкэ-моногатари но рэкисикан (Представления об историческом процессе в “Повести о доме Тайра”) // Дэнтто то хэньё (Традиционность и изменчивость). – Токио, изд. “Пэриканся”, 2000, сс. 290–312

5. Сёмонки, Муцу ваки, Хогэн-моногатари, Хэйдзи-моногатари (“Сказание о Масакадо”, “Сказание о земле Муцу”, “Повесть о смуте годов Хогэн”, “Повесть о смуте годов Хэйдзи”), редакция и комментарии И. Сиды, Ё. Инуи, К. Янасэ, К. Ясиро, Я. Мацубаяси. – “Нихон котэн бунгаку дзэнсю” (“Полное собрание японской классической литературы”). Сёгаккан, Токио, 2002. Т. 41.